

На правах рукописи

Ли Екатерина Вадимовна

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ И
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТРАТЕГИЙ АРГУМЕНТАЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

1 0 НОЯ 2011

Иркутск – 2011

Работа выполнена на кафедре перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Иркутский государственный лингвистический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Каплуненко Александр Михайлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Хахалова Светлана Алексеевна

кандидат филологических наук
Аникина Вера Владимировна

Ведущая организация ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Защита состоится «23» ноября 2011 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.071.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет» по адресу: 664025, Иркутск, ул. Ленина 8, ауд. 31.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет».

Автореферат разослан «14» октября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

д.ф.н. Т. Е. Литвинен

В современной лингвистике политический дискурс является предметом активного изучения, что подтверждается все возрастающим количеством публикаций, посвященных различным аспектам политической коммуникации, а также многообразием направлений исследования и позиций, с которых ведется анализ материала. Настоящее время работы по дискурсу-анализу достаточно широко освещают такие спектры, как жанры и стили политического языка [Баранов, Казакевич, 1991; Винорадов, 1994; Даниленко, 1994; Жуков, Карнышев, 2001; Михальская, 2000 и др.], диостили различных политических деятелей [Алтунян, 1999; Мордовин, 2004; Юрокин, 1998 и др.], коммуникативные стратегии и технологии, характерные для политического общения [Анохин, 2000; Паршина, 2004; Паршина, 2005; Плотникова 004; Плотникова, 2008а; Сулова, 2006; Шейгал, 2000 и др.]. Ряд работ посвящен опоставительному анализу политической коммуникации разных стран [Желтухина, 000; Каслова, 2003; Шехтман, 2005 и др.]

Особое внимание привлекают вопросы политической аргументации и манипуляции общественным сознанием [Бакумова, 2003; Бокмельдер, 2000; Веретенкина, 001; Демьянков, 1984; Демьянков, 1989; Михалева, 2009 и др.].

Признание ведущей роли аргументации в политическом дискурсе заявляется го субъектами независимо от языка и культуры: призывы к разумному диалогу и ациональному поведению в дискуссии озвучиваются политическими деятелями и ктивистами во всем мире. Однако на практике аргументация нередко симулируется, превращаясь в псевдоаргументацию, и в конечном счете – в манипуляцию. Возникает необходимость исследования особенностей соответствующих переходов и их еретического осмысления.

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению пограничных феноменов универсальной и этнокультурной аргументации типа *argumentum ad* в политическом дискурсе. Именно к пограничному характеру многих аргументативных контекстов относится понятие «диалектическое взаимодействие», которое подчеркивает постоянную смену универсальных стратегий аргументации уникальными. При этом определить вклад отдельных аргументативных стратегий в выполнение иллюкативной цели высказывания весьма затруднительно.

В работе, с одной стороны, выявляются и систематизируются универсальные, приемлемые и обладающие убедительной силой в любой аудитории, независимо от ее культурной и этнической принадлежности, и специфические, этнокультурные, обусловленные историей и культурой страны, аргументативные стратегии. С другой стороны, предпринята попытка определить точку превращения корректных приемов в псевдоаргументацию и манипуляцию. Исследование проведено на базе предвыборного дискурса, порожденного в рамках президентских избирательных кампаний в Республике Корея и Российской Федерации в 2007 и 2008 годах соответственно.

На основании первичного анализа эмпирического материала выдвинута *гипотеза* исследования, а именно: в современном политическом дискурсе происходит сближение аргументативных стратегий участников, принадлежащих к языкам и культурам, которые резко различаются по историческим и этническим измерениям.

Актуальность проистекает из необходимости теоретического осмысления универсальных средств убеждения в политической сфере, равно как и специфических приемов, релевантных лишь в рамках определенной культуры, а также преде-

лов их корректного функционирования. Актуальность также обусловлена недостаточной освещенностью общетеоретических принципов политической аргументации, несмотря на большое количество исследований в этой области в целом.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на материал столь разных языков и культур выявляются и описываются общие принципы и уникальные особенности политической аргументации и представляются их историко-культурные основания. Новыми также являются результаты, характеризующие особенности перехода от аргументации к манипуляции сознанием адресата.

Объектом данного исследования является совокупность текстов, представляющих российский и южнокорейский политический дискурс.

Предмет исследования – аргументативные стратегии, используемые российскими и южнокорейскими политиками в ходе политической борьбы.

Материалом исследования послужили тексты предвыборных выступлений современных южнокорейских и российских политиков – кандидатов в президенты 2007 (РК) и 2008 (РФ) годов.

Такой отбор материала мотивирован тем, что предвыборный дискурс, во первых, представляет собой наиболее яркий пример аргументативного высказывания в политической среде, а следовательно, обнаруживает наиболее репрезентативные черты политической аргументации, и, во-вторых, дает адекватное представление о современной политической культуре страны.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы выявить универсальные и уникальные стратегии аргументации в политическом дискурсе и в первоприближении определить границы их применения, не нарушающего принципы рациональности.

Достижение поставленной цели предопределило постановку следующих задач:

- на основе анализа западных и восточных риторических традиций установить характерные черты соответствующих моделей аргументации;
- уточнить содержание понятий «политический дискурс» и «аргументативная стратегия»;
- изучить соотношение аргументативного и манипулятивного компонентов исследуемого политическом дискурсе;
- уточнить содержание понятий универсальной и этнокультурной аргументативной стратегии;
- описать основные универсальные и этнокультурные аргументативные стратегии в исследуемом политическом дискурсе;
- указать пределы, в которых анализируемые аргументативные стратегии могут считаться соответствующими принципам рациональности.

Теоретическую базу исследования составили труды зарубежных и отечественных ученых в области теории аргументации (А. Н. Баранов, В. Бенуа, Д. А. Бокмельдер, И. А. Герасимова, В. З. Демьянков, Ф. ван Емерен, Р. Гроотендорст, А. А. Ивин, Г. И. Рузавин, А. Ю. Мордовин, Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытека, Д. Уолтон, Ч. Хамблин), логики (А. А. Ивин, Н. И. Кондаков, А. О. Маковельский) теории речевого воздействия (В. З. Демьянков, О. И. Иссерс, С. Г. Кара-Мурза, О. Л. Михалева, А. П. Чудинов), теории дискурса (Т. ван Дейк, В. И. Карасик, М. Л.

Макаров, С. Н. Плотникова), теории коммуникации (Т. ван Дейк, О. И. Иссерс, Ч. Кэмпбелл, Р. Каплан), теории речевых актов (Дж. Серль), теории политической коммуникации (Р. Водак, В. З. Демьянков, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, О. Л. Михалева, О. Н. Паршина).

Целевые установки и задачи исследования определили применение, наряду с общетеоретическим индуктивным методом, включающим непосредственное наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, *методов* аргументативного анализа в терминах прагма-диалектической теории аргументации Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, риторического и контекстуально-композиционного анализа, методов прагматического анализа, включающих исследование цели, намерений, коммуникативных стратегий протагониста, особенностей речевого взаимодействия участников в той или иной коммуникативной ситуации, дискурс-анализа «как интегральной формы изучения общения с точки зрения ее формы, функции и ситуативной, социо-культурной обусловленности» [Макаров, 2003, с. 98]. В работе также используется процедура исчисления речевых актов по Дж. Серлю.

Теоретическая значимость настоящей диссертации заключается в том, что ее результаты вносят вклад в исследования политического дискурса с точки зрения анализа его аргументативных стратегий. В частности, приращает фундаментальное знание об универсальных и специфических механизмах воздействия на электорат. Исследование имеет общетеоретическое значение и в целом предоставляет возможности для более глубокого научного осмысления феномена политической аргументации. Теоретическая значимость заключается также в дальнейшем развитии и углублении теории аргументации, заключающихся в уточнении понятий универсальных и этнокультурных стратегий аргументации, в системном описании национально-культурных оснований политической аргументации.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования ее результатов и положений в практике преподавания ряда дисциплин: теории аргументации, теории речевого воздействия, риторики, теории политической коммуникации, теории межкультурной коммуникации, культурологии, а также при разработке учебных пособий, руководстве курсовыми и дипломными работами по соответствующей проблематике.

На защиту выносятся следующие *теоретические положения*:

1. Исторически сложившаяся западная модель аргументации следует линейному построению высказывания по схеме: тезис – аргумент – вывод. Восточная аргументативная модель предполагает циркулярное развитие дискурса с высоким содержанием метафорических образов. Однако в условиях современного политического дискурса восточная модель приближается к западной.

2. В сфере речевого воздействия политический дискурс представляет собой диалектическое взаимодействие аргументации и манипуляции. Соотношение аргументативного и манипулятивного компонентов определяется характером коммуникативного события, в рамках которого происходит порождение дискурса. Определяющее значение при этом имеют цель общения, состав участников и временные рамки коммуникативного события. Стремление к достижению согласия, наличие в составе участников события членов экспертного сообщества, неограниченность же-

сткими временными рамками предопределяют преобладание в дискурсе рациональной аргументации. Изменение целевой установки на завоевание власти, сокращение количества экспертов, а также сужение временных рамок коммуникативного события неизбежно влечет вытеснение аргументативной составляющей манипуляцией.

3. Апелляция к рациональной сфере адресата преимущественно осуществляется в условиях реализации стратегий *argumentum ad hominem* и *argumentum ad populum*, применение которых обуславливают универсальный характер аргументации.

4. Обращение к эмоциональной сфере аудитории опосредовано стратегиями *argumentum ad misericordiam* и *argumentum ad baculum*. При этом обнаруживается преобладание национальных, культурно обусловленных аргументативных конфигураций.

Апробация работы. Основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации Иркутского государственного лингвистического университета. По материалам диссертационного исследования были сделаны доклады на научных конференциях ИГЛУ в 2007-2011 годах, на всероссийском научно-практическом семинаре преподавателей корейского языка вузов Российской Федерации в мае 2011 года. По теме диссертации опубликовано 7 печатных работ, в том числе 2 работы в ведущих изданиях, рекомендованных для публикации результатов кандидатских диссертаций. Общий объем публикаций составляет 3,7 печатных листа.

Структура работы. Поставленная цель и задачи исследования определили структуру и содержание работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, списка литературы, списка использованных словарей, списка источников примеров и пяти приложений. Общий объем работы составляет 209 страниц. Список использованной литературы включает 142 наименования, в том числе 45 работ на иностранных языках.

Во *введении* обосновывается выбор объекта изучения и актуальность темы исследования, определяется ее научная новизна, теоретическая и практическая ценность, ставятся задачи и цели исследования, определяются методы исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* «Диалектическая связь западной и восточной традиций аргументации» рассматриваются основные этапы становления теории аргументации на Западе и на Востоке, описываются западная и восточная модели построения аргументативного высказывания.

Во *второй главе* «Место аргументации в политическом дискурсе» определяются основные понятия исследования: «аргументация» и «политический дискурс», рассматривается диалектика аргументативного и манипулятивного компонентов в политическом дискурсе. Вводится понятие коммуникативного события как фактора, определяющего преобладание того или иного вида убеждения в процессе политической коммуникации.

В *третьей главе* «Аргументативные стратегии политического дискурса: между универсальным и этнокультурным» выявляются и описываются универсальные (*argumentum ad hominem*, *argumentum ad populum*) и этнокультурные (*argumentum ad*

misericordiam, argumentum ad baculum) аргументативные стратегии, исследуются способы их реализации, изучаются их ценностные основания.

В *заключении* обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются выводы, намечаются перспективы дальнейшего научного поиска в области политической аргументации.

В *приложении* включены транскрипты выступлений, служащие иллюстрацией некоторых положений, исследуемых и защищаемых в процессе исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Эволюция западноевропейской теории аргументации насчитывает четыре стадии, отмеченные особым отношением к предмету и принципам аргументирования.

1. Античный этап, представленный работами древнегреческих философов, прежде всего, Платона и Аристотеля, и характеризующийся сочетанием логических, психологических и философских принципов убеждения. Отметим, что с развитием государственности от демократической Греции к автократическому Риму происходит отказ от этих традиций и утверждение новых канонов аргументации, поставивших во главу вопросы стиля и украшения речи.

2. Новое время – эпоха ориентированной на науку универсальной аргументации по строгим правилам логики, яркими представителями которой являются Ф. Бэкон, Р. Декарт, А. Арно и П. Николь. В это время происходит выделение из риторики аргументации как таковой и начинается ее становление как самостоятельной дисциплины.

3. Середина XX века – период, озаменованный отказом от чисто логических способов убеждения и выдвиганием на первый план анализа практической аргументации (С. Тулмин), а также переосмыслением аристотелевской риторики (Х. Перельман).

4. Вторая половина XX – начало XXI века, становление прагматико-диалектической теории аргументации (далее – ПДТА), предлагающей анализ аргументации в широком коммуникативном аспекте (Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст). Лаконично сочетая принципы логики, риторики и диалектики, ПДТА является на сегодняшний день последним этапом развития учений об аргументации и наиболее авторитетным направлением научного поиска в данной области.

Период средневековья и эпоха Возрождения не выделяются как отдельные этапы в истории становления теории аргументации, поскольку не были отмечены трудами, вносящими весомый вклад в развитие данной дисциплины. Для средневековой схоластики характерно вытеснение убеждения верой, а философы Возрождения приоритет в доказательстве отдают риторике как средству оформления и выражения мысли.

Теория аргументации на Востоке также берет начало в логике и учениях об ораторском искусстве, однако, в отличие от западноевропейской науки, ее основой является древнеиндийская логика, китайская протологика и тибетская философия.

Знакомство с европейской наукой во второй половине XX века приводит к принятию восточной теорией множества постулатов Запада, в результате чего

большинство современных работ по теории аргументации представляют собой, в основном, перевод или обобщение и резюмирование западных теорий, при этом областью применения аргументативных схем, главным образом, является юриспруденция. Так, например, изданные в последние годы работы по теории аргументации: «논증의 역사» (2006), «법적 논증 이론» (2007), «법과 논증 이론» (2009), «논증의 기술» (2010), являются переводами книг европейских авторов (Histoire des theories de l'argumentation Ph. Breton and G.Gauthier (2000), Theorie der Juristischen Argumentation R. Alexy (1983), Juristische Argumentationslehre U. Neumann (1986), A rulebook for Arguments A. Weston (1986)), множество научных работ пишется также на основе трудов известных теоретиков Запада.

Однако такое сближение восточной теории с западной традицией не означает ее отказа от собственных самобытных риторических схем, выработанных еще в древности и применяемых в течение многих столетий. Представляя собой уникальное образование, гармонично сочетающее черты обоих подходов, восточная модель аргументации на современном этапе обнаруживает ряд специфических особенностей, отличающих ее от западной, что отмечают многие исследователи [Campbell, 1998; Kaplan, 1996; Kirkpatrick, 1991; Kirkpatrick, Xu, 2002; Carol Lynn Moder, Aida Martinovic-Zic, 2004; Zhu, 2003-2004; Xing, 2006 и другие].

Уникальность восточной аргументативной модели обнаруживается, прежде всего, в структуре высказывания. Если в западных теориях процесс аргументации традиционно начинается с выдвижения тезиса, который впоследствии доказывается с помощью ряда аргументов, и заканчивается выводом, сделанным на основе приведенных доводов, то восточная риторика, напротив, предполагает весьма отвлеченное от сути начало и окончание высказывания, а также допускает многочисленные отклонения от заявленной темы обсуждения.

По утверждению Р. Каплана, восточные языки тяготеют к круговой, или циркулярной, организации высказывания, изобилующей всевозможными описаниями и отклонениями от темы, в то время как для европейских языков характерно строгое линейное построение. Ч. Кэмпбелл объясняет эту особенность восточной структуры высказывания японским понятием «kishotenketsu», представляющим модель повествования на японском языке. Согласно этой модели, повествование должно проходить в четыре этапа: введение предмета, его представление, вращение и красивое завершение. Отметим, что изначально понятие «kishotenketsu» (起承転結) возникло в китайской поэзии, где использовалось для обозначения четырехстрочного стихотворения и соотносилось с понятием «kishotengo» (起承転合), которое также предполагает четыре ступени построения речевого произведения: введение (起 – ki), развитие (承 – sho), разворачивание (転 – ten) и завершение (合 – go).

Подобная структура высказывания обусловила еще одну характерную особенность восточной аргументативной модели, а именно, ее метафоричность. При этом характерно как обращение к общим метафорам, таким как навигационная метафора (주당은 폭풍우 속에서 암초 많은 바다를 건너는 배와 같습니다 (박상천. 민주당 대표후보 선거 연설) – демократическая партия подобна лодке, пересекающей море со множеством подводных рифов во время шторма (Пак Сан Чхон. Выступление кандидата от демократической партии в ходе предварительных выборов), метафора

человека (*뼈까지 환골탈태하지 않고 옷만 바꿔 입었는데, 옷만 바꿔 입었다고 달라지는 것 아니잖아요* (문국현. 대신 예비후보 인터뷰) – они просто переоделись, не изменив внутреннего содержания (досл. костей), все же осталось по-прежнему, иным стал лишь внешний вид (досл. одежда) (Мун Гук Хен. Интервью с кандидатом в президенты)) и т.п., так и апелляция к специфическим, национальным образам (*천리 먼 길을 마다않고 이 자리에 참석해 주신 대의원 동지 여러분께 고개 숙여 감사드립니다* (박성천. 민주당 대표후보 선거연설) – Я благодарю Вас, уважаемые делегаты, склоняя голову перед Вами, за то, что Вы прибыли сюда, несмотря на долгий путь в тысячу ли (Пак Сан Чхон. Выступление претендента в кандидаты на пост президента от демократической партии)). В ряде случаев метафоры могут занимать самые сильные позиции аргументации, начальную и конечную, образуя своего рода рамку, в которой развивается структура аргументации.

Среди особенностей восточной аргументативной модели следует особо отметить высокую частотность апелляции к авторитетам, что объясняется крепкими иерархическими отношениями в восточной культуре, где мнение старшего или вышестоящего зачастую принимается без сомнения и обсуждения.

Еще одной отличительной чертой восточной аргументативной модели является повышенное содержание в структуре аргументативного высказывания речевых актов в форме экспрессива и директива. Согласно распространенной на Западе прагма-диалектической теории аргументации, прототипичной для аргументов и тезиса формой является ассертив. Однако в восточном аргументативном дискурсе ассертивы занимают лишь немногим более половины, в то время как остальные речевые акты имеют форму экспрессива, что обычно представляет собой выражение чувств и эмоций протагониста, и директива, зачастую выражающего просьбу или призыв поддержать позицию оратора.

Обобщая вышесказанное, представим основные отличительные черты западной и восточной моделей аргументации в виде таблицы:

Таблица 1

Западная модель	Восточная модель
<ul style="list-style-type: none"> • Линейное построение высказывания • Соблюдение законов логики • Опора на факты • Преобладание речевых актов в форме ассертива 	<ul style="list-style-type: none"> • Циркулярность (круговая организация) высказывания • Метафоричность, образность • Апелляция к авторитету • Высокое содержание экспрессивов и директивов

Важно заметить, что при этих различиях общность западной и восточной традиций аргументации сохраняются. В первую очередь, общность традиций обусловлена поиском логических оснований аргументации. Кроме этого, взаимное знакомство с современными теоретическими достижениями способствует формированию (если заимствовать термин из семиотики) совместного контекста интерпретации. И, наконец, как будет показано в дальнейшем, две традиции сближаются в условиях политического дискурса в силу универсальности последнего.

Под политическим дискурсом в работе понимается, вслед за А. Н. Барановым и Е. Г. Казакевич, «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6].

Аргументация как средство разумного убеждения в идеале должна составлять основу политического дискурса, и на самом деле, выступления политиков обнаруживают многочисленные примеры различных типов аргументации: как простой, так и сложной: сочинительной, являющейся совокупностью отдельных аргументаций, совместно доказывающих исходный тезис, и подчинительной, представляющей собой цепочку аргументов, каждый из которых является обоснованием предыдущего, а также множественной, имеющей вид комбинации нескольких отдельных параллельных аргументаций. Однако основная цель политического дискурса – завоевание и удержание власти [Водак, 1997; Карасик, 2000; Шейгал, 2000; Желтухина, 2000; Чудинов, 2006; Паршина, 2007; Маслова, 2008 и др.] – обуславливает использование в нем не только рациональной аргументации, отвечающей трем логическим принципам: причины и следствия, тождества и достаточного основания, но и приемов иррациональных, апеллирующих к чувствам, эмоциям, а также псевдоаргументации, характеризующейся подменой аргумента не доказывающим тезис утверждением.

Поскольку в основе иррациональной и псевдоаргументации лежит нечто иное, нежели логические рациональные аргументы, их использование политиками рассматривается как попытка скрытого воздействия на сознание адресата с целью достижения необходимого протагонисту перлокутивного эффекта; а именно, побуждения адресата к совершению некоторых действий в его (протогониста) интересах, что расценивается как манипуляция. Таким образом, необходимо констатировать, что политический дискурс представляет собой диалектическое взаимодействие аргументации и манипуляции, при этом соотношение их не стабильно в разных дискурсивных образованиях.

В качестве критерия, определяющего соотношение аргументации и манипуляции в том или ином типе политического дискурса, было предложено понятие «коммуникативное событие», под которым понимается вербальное и невербальное взаимодействие участников коммуникации в определенном пространственном, временном и событийном контексте. Факторами, оказывающими непосредственное влияние на выбор протагонистом того или иного вида убеждения, являются цель, состав участников и временные рамки коммуникативного события. Так, наиболее аргументативными являются жанры политического дискурса, относящиеся к растянутым во времени, нацеленным на достижение консенсуса коммуникативным событиям, предполагающим наибольший процент присутствия экспертного сообщества. Примером подобного события могут служить политические переговоры. С другой стороны, ограниченные жесткими временными рамками, нацеленные на борьбу за власть и рассчитанные на непрофессиональную аудиторию такие коммуникативные события, как предвыборная кампания, демонстрируют доминирование манипулятивной составляющей в дискурсе.

В качестве примера взаимодействия двух указанных видов убеждения в политическом дискурсе рассмотрим текст агитационной листовки кандидата в мэры г.

Иркутска Сергея Серебренникова, являющийся яркой демонстрацией того, как манипуляция может быть завуалирована под аргументацию.

5 причин доверять Сергею Серебренникову.

Причина 1. Сергей Серебренников – единственный из всех кандидатов, кто имеет успешный опыт руководства крупным сибирским городом. Серебренников на себе испытал всю сложность работы на городском хозяйстве.

Причина 2. Сергей Серебренников пользуется авторитетом и широкой поддержкой в органах федеральной и региональной власти. Серебренникова поддерживают депутатский корпус, партии «Единая Россия», «Справедливая Россия» и ЛДПР.

Причина 3. Сергей Серебренников работает в единой команде с губернатором.

Причина 4. Сергей Серебренников – самый подготовленный кандидат на должность мэра Иркутска. Досконально разбирается в городском хозяйстве. Имеет крепкие деловые связи на федеральном и областном уровне. Обладает стратегическим мышлением. Способен решать масштабные задачи.

Причина 5. Сергея Серебренникова поддерживают иркутяне. Он сочетает в себе все качества, которые необходимы новому мэру Иркутска. Крепкий хозяйственник. Сильный политик. Опытный руководитель. Житель и патриот Приангарья. Такой мэр нужен Иркутску.

Текст листовки структурирован в полном соответствии с правилами аргументации. Перефразируя заголовок листовки (*5 причин доверять Сергею Серебренникову*), получаем исходный тезис (*Сергею Серебренникову можно доверять*), который защищается с помощью ряда аргументов (причины 1, 2, 3, 4, 5), в совокупности призванных подтвердить правильность тезиса, после чего следует вывод (*Такой мэр нужен Иркутску!*). Однако анализ самих аргументов показывает их явное несоответствие законам рациональной аргументации.

Так, *Причина 1* имеет строение, аналогичное структуре подчинительной аргументации, где аргумент в защиту исходного тезиса, в свою очередь, поддерживается субаргументом. Несомненно, *«успешный опыт руководства крупным сибирским городом»* – весомый аргумент в пользу кандидата в мэры Иркутска. Однако указание на то, что *«Серебренников на себе испытал все сложность работы на городском хозяйстве»* вовсе не является доказательством того, что он *«имеет успешный опыт руководства крупным сибирским городом»*. Аргументами в поддержку данного тезиса могли бы стать, например, следующие: «он добился 100%-ной занятости населения», «произвел полное обновление инженерных коммуникаций ЖКХ», «выделил средства на оборудование поликлиник, школ, детских садов и добился их целевого использования», «ликвидировал организованные преступные группировки» и пр. Однако подобных доводов в защиту заявленного тезиса не приводится, что свидетельствует о наличии псевдоаргументации, когда место аргумента занимает еще один тезис, семантически замкнутый в себе, не развивающий аргументацию. В этом состоит сущность манипуляции в приведенном примере. По рациональным правилам аргументации аргумент должен семантически включаться в тезис, уплотняя его содержание, конкретизируя номинацию, однако высказывания *«успешный опыт руководства крупным сибирским городом»* и *«испытал всю сложность работы на го-*

родском хозяйстве» в таких отношениях не находятся. Таким образом, высказывание не строится по аргументативной схеме: тезис – аргумент, а является простым перечислением тезисов.

Подобное наблюдаем и в *Причине 5*, которая, на первый взгляд, строится в соответствии с правилами сложной аргументации. Так, в поддержку тезиса «Сергея Серебренникова поддерживают иркутяне» выдвигается аргумент «он сочетает в себе все качества, которые необходимы новому мэру Иркутска». Однако, на самом деле, данное высказывание не является доказательством тезиса. То, что Серебренников сочетает в себе определенные качества, вовсе не представляет собой подтверждение того, что его поддерживают иркутяне, так как наряду с этими качествами он может обладать и другими, которые иркутян не устраивают. Есть и альтернатива: иной кандидат, профессиональные качества которого также соответствуют должности мэра и при этом более импонируют населению. Аргументом в поддержку тезиса «Сергея Серебренникова поддерживают иркутяне» могли бы стать, например, результаты опроса населения, наглядно подтверждающие предпочтения народа, однако, подобных оснований здесь не приводится. Следовательно, мы вновь имеем дело с псевдоаргументацией, где вместо аргумента за тезисом следует еще один тезис. Далее в рамках модели подчинительной сложной аргументации довод «он сочетает в себе все качества, которые необходимы новому мэру Иркутска» уже сам становится тезисом, который поддерживается рядом следующих субаргументов, «крепкий хозяйственник, сильный политик, опытный руководитель, житель и патриот Приангарья», призванных убедить адресата, что совокупность этих качеств и есть черта, необходимая новому мэру Иркутска. Однако тот факт, что Серебренников, действительно обладает такими качествами остается не доказанным. То же справедливо и в отношении всех аргументов, приведенных в *Причине 4*. Ни один из них не доказывается дополнительными субаргументами, а, следовательно, все они являются необоснованными.

Причины 2 и 3 также не являются рациональными аргументами в поддержку исходного тезиса, а представляют собой не что иное, как *argumentum ad verecundiam*, или аргумент к мнению авторитетного лица, в роли которого выступает в данном случае федеральная и региональная власть, депутатский корпус, партии «Единая Россия», «Справедливая Россия» и ЛДПР, а также губернатор. Несмотря на то, что эксперты, на которых ссылается протагонист, действительно авторитетны и имеют значительный вес в политике, апелляция к их мнению не может рассматриваться как вполне рациональный и достаточный аргумент и является нарушением правил аргументации, что склоняет дискурс в сторону манипуляции.

Помимо *argumentum ad verecundiam*, в рассматриваемом примере имеет место и другой ошибочный аргумент – *argumentum ad populum* (аргумент к народу, к мнению большинства): *Причина 5* (Сергея Серебренникова поддерживают иркутяне), который являясь эффективным способом убеждения с точки зрения стимулирования аудитории к какому-либо действию, тем не менее, не может рассматриваться как гарантия правильности тезиса.

Анализ данной листовки наглядно демонстрирует сосуществование аргументации и манипуляции в жанре политического дискурса, относящегося к нацеленному на борьбу за власть, жестко ограниченному во времени и включающему в состав

участников наибольший процент непрофессиональных людей, коммуникативному событию «предвыборная кампания», которое и предоставляет материал для данного исследования.

Принимая во внимание тот факт, что политическая речь, тем более предвыборный политический дискурс, всегда направлена на конкретную аудиторию, а именно, население определенной страны, обладающее правом голоса на выборах, можно предположить, что аргументация в подобном типе дискурса будет принимать контекстуальный, культурно-специфический характер. Однако была выдвинута гипотеза о том, что в современном политическом дискурсе существуют как этнокультурные, обусловленные историей и культурой определенной страны, так и универсальные, приемлемые в любой аудитории, аргументативные стратегии.

В контексте данного исследования аргументативной стратегией именуется основная линия аргументации, выстроенная как последовательность высказываний, опирающихся на один прием, который становится ключевым.

Анализ материала показал, что в политическом дискурсе аргументативные стратегии восходят к отдельным разновидностям ошибок аргументации, так называемым *argumentum ad*, наиболее распространенными из которых оказались *argumentum ad hominem* (аргумент к человеку или атака на личность), *argumentum ad populum* (аргумент к народу), *argumentum ad misericordiam* (аргумент к милосердию, к сочувствию) и *argumentum ad baculum* (аргумент «к палке»). Несмотря на неоднозначный статус подобных средств убеждения в теории аргументации, мы принимаем их за полноправные аргументативные стратегии, поскольку они не только активно используются в политической аргументации, но и являются важной ее составляющей, зачастую определяющей характер всей аргументации.

Самой распространенной универсальной аргументативной стратегией, активно применяемой представителями обеих стран, была признана стратегия дискредитации оппонента, или, *argumentum ad hominem*, обладающая следующими основными характеристиками: 1) фокус аргументации переносится с тезиса, относительно которого велась дискуссия, на личность оппонента, 2) осуществляется критика оппонента с целью его дискредитации, 3) критика состоит, главным образом, в утверждении моральной или психологической неадекватности оппонента, заявления о несоблюдении оппонентом моральных и нравственных норм или его несоответствии положительно оцениваемому гипотетическому идеалу.

Вслед за Ф. ван Еемереном, Р. Гроотендорстом и Д. Уолтоном, в предвыборном политическом дискурсе было выделено 4 разновидности *argumentum ad hominem*: 1) абьюзивный, характеризующийся критикой таких качеств оппонента, как ум, характер и честность, 2) обстоятельственный, указывающий на некоторое несоответствие между аргументами оппонента и его жизненными обстоятельствами, 3) аргумент от предвзятости, вскрывающий истинный мотив, личную заинтересованность оппонента в определенном поведении или защите того или иного положения, и 4) «*tu quoque*», заключающийся в ответной критике оппонента по формуле «ты сам такой же плохой».

Из выделенных вариантов наиболее активно в ходе предвыборного дискурса эксплуатируются обстоятельственный вариант *argumentum ad hominem* и аргумент от предвзятости, что, очевидно, связано с моделью построения данных типов аргу-

ментации, которая в принципе не нарушает законов логики, предполагающих связь по схеме причина – следствие.

Следующий пример является иллюстрацией обстоятельного варианта *argumentum ad hominem*, когда протагонист, указывая на противоречия в словах и действиях политического оппонента, обвиняет его в ненадежности, непоследовательности.

어제 이른바 동영상 나왔을 때 본인의 입으로 "내가 비비케이 설립했다", "28% 첫 해부터 수익 냈다", "내가 미국가서 준비하고 와서 인터넷금융그룹 세웠다"고 이렇게 당당하게 말해놓고 몇 년 지나지 않아서 "나는 아무런 관계가 없다", "검찰은 또 무협이다." (정동영, MBC 방송 연설 전문).

Еще вчера во время, так называемой, «прямой трансляции» он (Ли Мен Баг) сам (досл. своим собственным ртом) уверенно заявлял: «Это я основал компанию ВВК¹», «Я добился того, что доходы за первый год составили 28%», «Обучившись в Америке, я вернулся и основал инвестиционную интернет-группу», но не прошло и нескольких лет, как он отрицает все это: «Я не имею к этому никакого отношения», «Я вне подозрений прокуратуры» (Чон Дон Ен. Выступление на канале MBC).

Данное высказывание построено на основе противопоставления отрицательно оцениваемого обществом «минусового» (Т-): Ли Мен Баг является основателем ВВК, и заслуживающего положительной оценки «плюсового тезиса» (Т+): Ли Мен Баг не имеет отношения к компании ВВК, каждый из которых подкрепляется аргументами, представленными в виде цитат высказываний самого оппонента: (А1-) «это я основал компанию ВВК», (А2-) «я добился того, что доходы за первый год составили 28%», (А3-) «обучившись в Америке, я вернулся и основал инвестиционную интернет-группу», (А1+) «я не имею к этому никакого отношения», (А2+) «Я вне подозрений прокуратуры». Необходимо отметить, что подобное цитирование усиливает аргументацию, поскольку, являясь воспроизведением исходной иллюкативной силы, затрудняет контраргументацию со стороны оппонента. Таким образом, подчеркивая непоследовательность и противоречивость заявлений своего соперника по предвыборной гонке, Чон Дон Ен пытается изменить оценку Ли Мен Бага избирателем, сместив ее к отрицательному полюсу, иными словами, подорвать доверие к нему.

Что касается аргумента от предвзятости, то, когда речь идет о предвыборных баталиях, оппонент чаще всего обвиняется в том, что заинтересован в своей победе, а не в реальном обсуждении и решении тех проблем, о которых он говорит. Иными словами, приводимые им аргументы направлены не на разрешение критической дискуссии, а приводятся лишь с целью привлечь на свою сторону как можно больше потенциальных избирателей.

Рассуждая в интервью газете «Московская правда» о национальной культуре, традициях, морали, нравственности и внутреннем развитии человека, Г. А. Зюганов в ответ на замечание журналиста о том, что этой проблеме уделяют внимание и другие партии и «теперь даже Путин заговорил не только о нефти и газе, а о развитии

¹ ВВК – инвестиционная компания, причинившая вследствие финансовых махинаций огромные убытки тысячам вкладчиков. Ли Мен Баг подозревается в причастности к деятельности этой компании.

человека», заключает: «Только непонятно, каким образом это будет достигаться. Партия наша обо всем этом говорит постоянно. А тут вдруг спохватились. Что это, как не предвыборный пиар?» (Зюганов. Интервью газете «Московская правда»).

Таким образом, преследуя цель разоблачить политического противника, открыть истинные мотивы его поведения, а именно, обсуждения проблемы нравственности и развития человека, протагонист противопоставляет имплицитно присутствующему положительному тезису (Т+): *Путин заявляет о необходимости развития человека*, отрицательный (Т-): *Это предвыборный пиар*. Аргументами в пользу последнего становятся указания на то, что (А1-) об этом заговорили «вдруг» как раз перед выборами и (А2-) Путин не имеет конкретного плана реализации своей идеи (непонятно, каким образом это будет достигаться). При этом главная цель протагониста – показать, что подобные заявления кандидата обусловлены лишь его желанием одержать победу на выборах, после которых ситуация может измениться. Обратим внимание на тот факт, что тезис в рассмотренном примере принимает форму риторического вопроса, который имея пресуппозицию: «Я не сомневаюсь в том, что вы со мной согласны», обладает значительным убеждающим потенциалом.

Апелляция к двум другим вариантам *argumentum ad hominem*, абьюзивному, реализующемуся посредством оскорбительных номинаций типа *аферисты, преступники, воры, предатели, безответственные, 거짓말쟁이 (лжецы, вруны), 암투 (бессовестные), 불안한 후보 (ненадежный кандидат), 사기꾼 (мошенник)* и т.п., и «tu quoque» («ты сам такой же») не столь распространена, что, вероятно, связано со сложностью, а часто и невозможностью обоснования тезиса. Кроме этого, построение аргументации по модели «tu quoque» в некоторой степени предполагает признание обвинения выдвинутого в сторону протагониста, что, естественно, является не выгодным для последнего.

Еще одним способом реализации стратегии дискредитации, обнаруженным в обоих рассматриваемых культурах, является обусловленная базовой семиотической оппозицией политической коммуникации «свой» - «чужой» характеристика оппонента как «чужого», не входящего в «Мы-группу».

Примечательно, что ценности, стоящие за контекстами *argumentum ad hominem* в политическом дискурсе обеих стран, универсальны, несмотря на выраженную этнокультурную специфику базовых ценностей русского и корейского народа, определяющих положительную / отрицательную оценку человека обществом. Если в России на протяжении веков неизменными базовыми ценностями являлись труд, справедливость, любовь и служение отечеству, а идеальным мужчиной считался богатырь, способный защитить родину и семью от врагов, то в Корее сложилась иная система ценностей, в основе которой – уважение к традиции, преклонение перед предыдущими поколениями, уважение и почитание старших, а достойный мужчина – не кто иной, как почтительный сын, любящий и уважающий своих родителей, получивший хорошее образование и добившийся высокого положения в обществе. Однако переход коммуникации в политическую плоскость обнаруживает апелляцию к универсальным ценностям: «честность», «надежность», «ответственность», «законопослушность», что свидетельствует о стирании различий в системе

ценностей политического дискурса, по крайней мере, в условиях реализации стратегии *argumentum ad hominem*.

Универсальный характер носит также стратегия апелляции к мнению народа, *argumentum ad populum*, в основе которой лежит особенность человеческого мышления полагаться на мнение большинства.

Из двух выделенных универсальных стратегий первая, *argumentum ad hominem*, может быть признана рациональной, поскольку, даже не относясь напрямую к обсуждаемому политиком вопросу, способствует формированию мнения о его личности. Такое мнение – значимое, разумное основание для избирателей в процессе принятия электорального решения. Стратегия же апелляции к мнению народа признается нерациональным аргументативным ходом, потому что позицию рационального аргумента в этом случае занимает обращение к распространенным стереотипным представлениям.

Наряду с универсальными, в российском и южнокорейском предвыборном политическом дискурсе были обнаружены и этнокультурные аргументативные стратегии: апелляция к сочувствию и стратегия угрозы, соответствующие в теории аргументации ошибкам *argumentum ad misericordiam* и *argumentum ad baculum*. При этом *argumentum ad baculum* реализуется косвенно, маскируясь под видом *argumentum ad misericordiam*.

Стратегия *argumentum ad misericordiam*, состоящая в апелляции к сочувствию вместо приведения доказательств, представлена в исследуемом политическом дискурсе в двух вариантах, которые были обозначены как призыв к жалости к Другому, или *argumentum ad misericordiam ad Alterum*, и апелляция к сочувствию адресанту, или *argumentum ad misericordiam ad Ipsum*.

Argumentum ad misericordiam ad Alterum, суть которого заключается в том, что протагонист, апеллируя к чувствам аудитории, пытается вызвать жалость к третьему лицу, к Другому, имеющему коллективный, собирательный характер и подразумевающему под собой определенную социальную группу, наиболее типичен для российской политической аргументации.

Обратимся к фрагменту предвыборного ролика кандидата в президенты РФ Г. А. Зюганова.

За последние 20 лет исчезло около 20 тысяч населенных пунктов, а в некоторых регионах наши жители убывают в потусторонний мир со скоростью 2-3% в год. За этими цифрами – судьбы соотечественников, родных, наших. На огромной территории люди не знают, зачем жить, уходят люди, и сжимается страна. (Предвыборный агитационный видеоролик кандидата в президенты РФ Г.А. Зюганова).

Эмпатическое приближение Другого к аудитории, объединение слушающих и Другого в один круг, акцент на принадлежность к одной социальной группе обуславливают использование соответствующей лексики: «*наши жители*», «*соотечественники*», «*родные*», «*наши*». Объединив субъект и другого в едином поле переживания, протагонист ставит под угрозу самое ценное, что может быть у человека – его жизнь: «*населенные пункты исчезают*», «*наши жители убывают в потусторонний мир*», «*уходят (в знач. «умирают») люди*». Таким образом, протагонист вы-

зывает не только сострадание, но и косвенно – страх за собственное будущее, поскольку адресат приходит к выводу, что и он может оказаться на месте Другого.

Подобно тому, как Дж. Серль выделяет первичную и буквальную иллокутивную цель речевого акта [Серль, 1986, с. 197], можно выделить первичную и буквальную цель акта аргументации. В данном случае первичная цель – воздействовать на адресата посредством угрозы – смягчается аргументом к состраданию. Скрытая угроза стимулирует принятие тезиса протагониста: «2 марта 2008 года сделай правильный выбор. Поддержи Зюганова!», ибо он постулируется как единственный правильный выход из сложившейся опасной ситуации. Таким образом, косвенный *argumentum ad baculum* вытесняет прямо декларируемый *argumentum ad misericordiam* на периферию поля переживания.

Второй тип апелляции к сочувствию, *argumentum ad misericordiam ad Ipsum*, заключающийся в пробуждении чувства жалости к своей личности с целью завоевания поддержки аудитории и состоящий в описании печальных событий собственной жизни, является отличительной особенностью южнокорейского политического дискурса. Непременными атрибутами высказываний, содержащих апелляцию к сочувствию адресанту, являются следующие лексические единицы, отражающие душевные переживания и физические страдания протагониста: «고생» (невзгоды, лишения, трудная жизнь), «고통» (боль, мука, страдание), «고민» (мука, страдание, переживание), «고난» (трудности, лишения), «어려움» (трудности, сложности, тяжелая ситуация), «상처» (раны, душевные и физические). Достаточно часто предметом описания становятся события из прошлого, которые протагонисту пришлось пережить: несчастливое детство, тяжелая юность, нелегкие трудовые будни. Так, кандидат в президенты РК Вон Хи Рён начинает свое выступление с подробного описания жизненных трудностей, которые выпали на его долю в молодости.

사랑하는 동지 여러분! 저는 작은 섬 제주의 가난한 농부의 아들로 자랐습니다. 그 힘든 가난을 벗어나는 길은 오직 공부라 믿었습니다. 그래서 열심히 공부해서 전국 수석을 했습니다. 빨리 성공해서 고생하는 부모님 편히 모시고 싶었습니다. 하지만, 80년대 암울했던 현실이 제 삶을 바꾸었습니다. 시위를 하다 정학을 받고, 야학을 하다 구금이 되고, 공장의 말단 생산직 노동자가 되었습니다. 부모님의 가슴에 대못을 박았지만, 그렇게 하는 것이 옳은 일이라 믿었습니다 (원희룡. 한나라당 대선 후보선출 선거 합동 연설회).

Дорогие (досл. любимые) товарищи! Я вырос в семье бедного крестьянина на маленьком острове Чечжудо. Я верил, что только образование поможет мне выбраться из этой беспросветной нищеты. Поэтому я усердно учился и даже занял 1-ое место в стране по единому государственному экзамену. Я хотел преуспеть в жизни и позаботиться о своих несчастных (досл. страдающих) родителях. Но в 1980-е годы суровая действительность изменила всю мою жизнь. За участие в демонстрации я был временно отстранен от учебы, я стал посещать вечерние занятия, но вскоре попал в тюрьму. Я стал чернорабочим на заводе. Я глубоко ранил души своих родителей (досл. забил большой гвоздь им в сердце), но я верил, что все делаю правильно (Вон Хи Рён. Выступление в ходе предварительных выборов кандидата от партии Великой страны на пост президента РК).

Бедность, сложности с обучением, тюремное заключение, тяжелая работа стали тяжелым испытанием для политика. При этом протагонист описывает не только свои собственные страдания, но и ту тяжелую ситуацию, в которой оказались его родители («несчастные, страдающие родители», «ранил души родителей»), благополучие которых в восточной культуре имеет для человека очень большое значение, а их страдание порой может переживаться тяжелее, чем собственное.

Среди причин столь активной эксплуатации *argumentum ad misericordiam ad Ipsum* в южнокорейском политическом дискурсе выделяются следующие: трепетное отношение к теме страдания в корейской культуре, уравнилельное сознание и скромность корейского народа, влияние буддизма, где жизнь человека рассматривается как страдание.

В основе южнокорейского политического дискурса, содержащего *argumentum ad misericordiam ad Ipsum*, лежит естественно рассудочная импликатура: «Я такой же, как вы / Я страдаю так же, как вы, а значит, понимаю вас и знаю ваши трудности, и вы, в свою очередь, должны понять и поддержать меня», которая зачастую выражается эксплицитно.

저는 서민의 애달픈 심정을 누구보다도 잘 알고 있습니다 <...> 저는 그들과 같은 삶을 살았기 때문에 저는 잘 알고 있습니다 (이명박. 한나라당 17대 대선후보 선출선거 합동연설회) – Я лучше всех знаю, как горько на душе у простого народа <...> Я жил той же жизнью, что и они, поэтому я хорошо их понимаю (Ли Мен Бак. Выступление в ходе предварительных выборов кандидата от партии Великой страны на пост президента РК).

Отождествляя и сближая таким образом себя с народом, протагонист включает себя и аудиторию в единое поле переживания, иными словами, создает круг «своих», объединение в котором предполагает взаимовыручку и поддержку.

В целом, признается иррациональный характер любых проявлений *argumentum ad misericordiam ad Ipsum* и *argumentum ad baculum* в политическом дискурсе, поскольку позицию рациональной аргументации занимает апелляция к чувству жалости, в первом случае, и к чувству страха – во втором.

Элемент рациональности в случае употребляемого южнокорейскими политиками *argumentum ad misericordiam ad Ipsum* мог бы усматриваться в том, что заявление о преодолении протагонистом жизненных трудностей свидетельствует о стойкости его характера, о его силе и возможностях, представляет его как человека, способного противостоять невгодам, а следовательно, способного управлять страной и преодолевать трудности в масштабах государства. Однако подтверждений данного предположения в исследуемом материале отмечено не было.

Основной вывод исследования заключается в следующем: в эпоху глобализации происходит сближение аргументативных дискурсов весьма разных культур в области политической коммуникации. Аргументация принимает универсальный характер в случае обращения к рациональной сфере адресата. При апелляции к эмоциональной стороне сознания сохраняется приверженность этнокультурным принципам аргументации, свидетельствующая о том, что этническое сознание устойчиво препятствует глобализации.

Данное диссертационное исследование вносит вклад в изучение политического дискурса и теории аргументации и открывает перспективы для дальнейшего изучения универсальных и уникальных принципов политической аргументации.

Поскольку выводы сделаны по языкам, функционирующим в столь разных историко-культурных контекстах, логично полагать, что исследование более широкого круга языков и культур даст новые результаты, обогащающие знание о том, какие изменения происходят в результате глобализации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Ли, Е. В. К вопросу об универсальных ценностных основаниях *argumentum ad hominem* в политическом дискурсе (на примере корейского и русского языков) [Текст] / Е. В. Ли // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск, 2010. - №3. – С. 117-125 (0,8 п.л.)
2. Ли, Е. В. К вопросу об этнокультурных основаниях *argumentum ad misericordiam* в политическом дискурсе (на примере корейского и русского языков) [Текст] / Е. В. Ли // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск, 2010. - №4. – С. 34-43 (0,9 п.л.)
3. Ли, Е. В. Особенности аргументативной модели в дискурсе южнокорейского политика [Текст] / Е. В. Ли // Аргументация vs манипуляция: Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Коммуникативистика и коммуникациология. – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – С. 92-106 (0,7 п.л.)
4. Ли, Е. В. Универсальные закономерности и специфические особенности аргументации в политическом дискурсе (на примере южнокорейского и русского языков) [Текст] / Е. В. Ли // Современные проблемы естественных и гуманитарных наук: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 1-5 марта 2010 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2010. – С.98-100 (0,15 п.л.)
5. Ли, Е. В. История формирования теории аргументации [Текст] / Е. В. Ли // Антропологическая лингвистика – 4: сборник научных трудов. – Иркутск: ИГЛУ, 2010. – С.127-145 (0,85 п.л.)
6. Ли, Е. В. Универсальное и специфическое в политической аргументации (на материале южнокорейского и русского языков) [Текст] / Е. В. Ли // Современные проблемы естественных и гуманитарных наук: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 1-4 марта 2011 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – С.109-111 (0,15 п.л.)
7. Ли, Е. В. Апелляция к эмпатии как этнокультурная аргументативная стратегия южнокорейского политического дискурса [Текст] / Е. В. Ли // Корейский язык в России: актуальные вопросы филологии, методики преподавания корейского языка, теоретические и практические аспекты перевода: тезисы докладов 4-го всероссийского научно-практического семинара (Иркутск, 18-19 мая 2011 г.). – Иркутск, 2011. – С. 51-53 (0,15 п.л.)

Подписано к печати 11.10.11.
Бумага офсетная. Формат 60х90
1,25 Усл. печ. л 1,14 Уч.-изд. л.
Тираж 130 экз.
Заказ № 1306

Отпечатано с готового оригинал макета на DUPLO
в ООО "Мегапринт"
664025, г. Иркутск, С.Разина, 42, оф. 5
Тел: 8(3952) 20-20-59, 768-360